

Инков Александр Александрович

"СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" КАК ИСТОЧНИК О ПОХОДЕ СЕВЕРСКИХ КНЯЗЕЙ НА ПОЛОВЦЕВ 1185 Г.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возможностью использования "Слова о полку Игореве" в качестве источника о походе северских князей против половцев в 1185 г. Сравнение "Слова" с другими письменными источниками эпохи показывает, что это выдающееся произведение древнерусской словесности не только не противоречит историческим летописям, но и в значительной степени расширяет и дополняет приводимые ими сведения. Данное обстоятельство позволяет подвергнуть сомнению сложившееся в литературе пренебрежительное отношение к поэме как к важному источнику о походе князя Игоря.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/10/11.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (100). С. 47-51. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94(47).027

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возможностью использования «Слова о полку Игореве» в качестве источника о походе северских князей против половцев в 1185 г. Сравнение «Слова» с другими письменными источниками эпохи показывает, что это выдающееся произведение древнерусской словесности не только не противоречит историческим летописям, но и в значительной степени расширяет и дополняет приводимые ими сведения. Данное обстоятельство позволяет подвергнуть сомнению сложившееся в литературе пренебрежительное отношение к поэме как к важному источнику о походе князя Игоря.

Ключевые слова и фразы: северские князья; половцы; степь; Русь; летописи; Ольговичи.

Инков Александр Александрович, к.и.н., доцент
Московский гуманитарный университет
historymosgu@mail.ru

**«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» КАК ИСТОЧНИК
О ПОХОДЕ СЕВЕРСКИХ КНЯЗЕЙ НА ПОЛОВЦЕВ 1185 Г. ©**

Поход Игоря на половцев весной 1185 г., несмотря на огромное количество написанной о нем литературы, по-прежнему таит в себе множество «белых пятен», над разгадкой которых бьются вот уже многие поколения исследователей. Дискуссию вызывают вопросы о причинах и целях этого похода, направление и маршрут движения войск Игоря в Половецкой степи, объяснение упоминаемой в источниках топонимики мест, где разворачивались основные события похода, определение места решающей битвы Игоря с половцами. Предложенные по всем этим вопросам концепции нередко настолько сильно разнятся между собой, что создается впечатление, что их авторы говорят не об одном и том же событии, а рассматривают совершенно различные явления.

Основным источником по истории похода 1185 г. являются древнерусские летописи. Наибольшее количество сведений о походе Игоря сохранилось, главным образом, в двух летописных сводах XIV века – Ипатьевском и Лаврентьевском. Оба источника различаются в деталях похода. Так, Ипатьевская летопись рассматривает поход Игоря 1185 г. как составную часть общей большой войны русских княжеств против половцев, начавшейся в начале 80-х гг. XII в. Она помещает поход без каких-либо промежуточных отступлений сразу вслед за пятью крупными русско-половецкими столкновениями: набегом половцев во главе с ханами Кончаком и Глебом Тиреевичем на город Дмитров в феврале 1184 г. [16, стб. 628], неудачным походом «младших» русских князей Игоря Святославича Северского и Владимира Глебовича Переяславского против половцев в марте 1184 г. [Там же, стб. 628-629], разгромом киевским князем Святославом Всеволодовичем лукоморских половцев в битве на реке Орели летом 1184 г. [Там же, стб. 632], вторжением в феврале следующего 1185 г. половецкого хана Кончака в русское Левобережье и его поражением на реке Хореле от объединенных русских сил во главе с тем же Святославом Всеволодовичем [Там же, стб. 634-636] и набегом союзной Руси конницы берендеев в Половецкую степь в апреле того же 1185 г. [Там же, стб. 637]. Тем самым летописец не делает больших различий между походом Игоря и военными операциями киевских князей и связывает его причины с ростом военной угрозы русским землям со стороны половцев.

Сведения Ипатьевского летописца дополняет Лаврентьевская летопись, которая также связывает поход Игоря с разгромом русскими войсками лукоморского объединения половцев на реке Ореле в 1184 г., но, в отличие от этого источника, более четко отделяет действия северских князей против половцев от военных мероприятий киевских князей. По свидетельству летописца, главной причиной выступления Игоря против половцев весной 1185 г. стало его нежелание в предшествующем году поддержать действия южнорусских князей по отражению вторгшегося в Переяславское княжество половецкого хана Кончака [15, стб. 397]. Выйдя на соединение с войсками киевских князей Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича, Игорь вместе с дружиной в последний момент задержался у Днепра, объяснив впоследствии разгневанным союзникам свою остановку тем, что не смог продолжить путь из-за неожиданно наступившего тумана. По мнению О. О. Сулейменова, истинная причина этой задержки заключалась в том, что северские князья надеялись на поражение Святослава в войне с половцами и рассчитывали, воспользовавшись этим, сами занять киевский стол [23, с. 84]. Однако, если Ольговичи и надеялись получить от русско-половецкой войны какие-либо выгоды, то они просчитались. Для Святослава война с половцами была в целом успешной. Особенно значительные последствия имела победа русских войск во главе с киевским князем над половцами на реке Орели в июле 1184 г., завершившаяся грандиозным поражением лукоморской группировки половцев хана Кобяка. Эта победа чрезвычайно подняла престиж Киева среди русских земель, который в очередной раз подтвердил свои права на роль ведущего политического центра Южной Руси. Северские же князья значительно потеряли в политическом весе, отказавшись от участия в общерусском походе 1184 г. против Кобяка и не приняв участия в отражении вторжения Кончака в русские земли в феврале 1185 г. Стремясь перехватить инициативу в борьбе с половцами, северские князья Ольговичи весной 1185 г. собрались на экстренный съезд в Новгород-Северском, где стали

говорить друг другу: «Мы есмы ци не князи же, поидем такыже собе хвалы добудем» [15, стб. 397]. Итогом совещания стал печально известный поход Игоря в Половецкую степь, завершившийся его поражением. Таким образом, известие лаврентьевского летописца о съезде северских князей существенно дополняют сведения Ипатьевской летописи о целях похода Игоря, где подчеркивается, что этот поход был вызван стремлением северских князей поднять прежде всего свой политический престиж, упавший вследствие их отказа участвовать в недавних походах других русских князей против половцев.

Помимо летописных источников, отдельное место среди источников о походе Игоря 1185 г. занимает «Слово о полку Игореве» (далее: «Слово») – выдающееся произведение древнерусской литературы, излагающее связанные с ним события в поэтической форме. Однако «Слово» само давно попало под огонь критики ряда историков, и хотя его подлинность в целом уже не вызывает сомнений [4], в новейшей литературе время от времени высказывается сомнение в ценности данного произведения как исторического источника [17].

Сторонники этой точки зрения указывают на то, что «Слово» – это, прежде всего, эпическое художественное, а не историческое произведение. Главное внимание автор поэмы уделяет идее объединения Русской земли, раздираемой княжескими усобицами, самому же походу Игоря в произведении отводится явно второстепенное место. Поэтому, несмотря на его значительный объем, поход Игоря освещается достаточно скупо. Кроме того, «Слово» лишено последовательности в изложении событий, отдельные сведения, сообщаемые им, противоречат друг другу. Поэма неопределенно говорит о географии похода Игоря, называет в качестве цели похода северского князя то стремление «поискати града Тьмутороканя», то «испити шело-момъ Дону» [21, с. 48, 74]. Ничего определенного поэма не сообщает и о местонахождении реки Каялы, на берегах которой произошло решающее столкновение Игоря с половцами.

Вместе с тем, следует отметить, что среди всех имеющихся в нашем распоряжении источников «Слово» ближе всех стоит по времени своего создания к походу Игоря. Одни ученые датируют его написание 1185-1187 гг., другие называют более точную дату – август 1185 г. [8, с. 168]. Правда, встречаются и более поздние датировки поэмы [1, с. 34-68]. «Слово» не только оказало значительное влияние на летописные известия о походе 1185 г., но и фактически явилось одной из первых попыток осмысления древнерусским обществом причин поражения этого похода, что делает его особенно ценным при сопоставлении со сведениями других источников о походе Игоря.

Так, «Слово о полку Игореве» предлагает свою версию причин похода 1185 г. По данным поэмы, выступая в поход, воины Игоря «ищучи себе чти, а князю – славы» [21, с. 54]. В древнерусской лексике слово «слава» имеет различные трактовки: почет, честь, почетная известность, прославление, величие, великолепие, пышность, тщеславие [20, с. 54-55]. Тем самым, в изложении «Слова», начиная поход против половцев, Игорь стремился снискать прежде всего военную славу, а учитывая политическую обстановку того времени, добавим – и дополнительные политические дивиденды в усобицах с другими русскими князьями. Желание северского князя обрести себе славу автор поэмы противопоставляет желанию простых воинов добыть в войне с половцами «чти», т.е. чести. Древнерусское слово «честь» означает богатство, материальный достаток, материальные ценности [8, с. 100-112; 22, с. 405]. Т.о., если Игорь в походе на половцев собирался снискать себе воинскую славу, его воины рассчитывали добыть в нем материальных выгод.

По мнению ряда историков, экономические причины похода 1185 г., очевидно, каким-то образом могли быть связаны с крупными территориальными потерями новгород-северских князей предшествующего времени [2, с. 16]. Во второй половине XII в. происходило непрерывное сокращение территории Новгород-Северского княжества. В 1147 г. в результате усобицы с Черниговом северские князья потеряли часть своих владений на западе – т.н. Сновскую тысячу (г. Сновск с областью), наиболее густонаселенную и экономически развитую область Новгород-Северского княжества [5, с. 82]. В 1149 г. северскому князю Олегу Святославичу удалось вернуть контроль над утраченными районами [16, стб. 384], но, как показали дальнейшие события, лишь временно. Уже в 1167 г. его преемник Святослав Ольгович снова потерял не только район Сновской тысячи, но и второй по важности город Новгород-Северской земли Стародуб. В том же году от Новгород-Северского на севере отпал Вщиж, отошедший, как и Стародуб, к владениям черниговского князя [Там же, стб. 525-526]. Потеря этих владений сопровождалась подрывом экономического положения северских князей и, как следствие этого, привела к утрате ими политической самостоятельности. Князь Новгород-Северского становится вассалом черниговского князя, в то время как при основателе Новгород-Северского княжества Олеге Святославиче (середина XII в.) северские князья сохраняли независимость от Чернигова [6, с. 56-65].

Потеря богатых земель на западе и севере, где, по словам летописца, была сосредоточена вся «жизнь» Новгород-Северского княжества, по-видимому, сопровождалась также важными изменениями в политическом окружении северских князей. Крупное родовое боярство, бывшее главной опорой северского князя, с утратой Сновской тысячи и Стародуба потеряло былое значение. Теперь политический перевес в окружении князя получает младшая дружина [2, с. 16], что привело к резкому изменению внешней политики Новгород-Северского княжества. Представленная преимущественно мелкой служилой знатью, не имевшей значительных земельных владений и существовавшей почти исключительно за счет княжеских подарков и милостей, эта прослойка феодалов выступала активной сторонницей внешней военной экспансии и видела в военных походах на соседней источник своего материального благополучия. К военной экспансии за пределы Новгород-Северского княжества северских князей подталкивала и сама обстановка, связанная с экономическим и политическим упадком северских земель в результате неудачных усобиц с Черниговом.

По традиции, компенсировать свои экономические потери северские князья стремились за счет участия в многочисленных усобицах, издавна раздиравших русские земли. По подсчетам Б. А. Рыбакова, в 1160-1180-е гг. они пять раз участвовали в нападениях на Киев, не говоря об участии в других междоусобных войнах [19, с. 153]. Вместе с тем, в рассматриваемое время Ольговичи обращают свое внимание и на юг, в сторону Половецкой степи, которая также издавна служила источником «серебряной и золотой дани, скота и челяди» [11, с. 100] для русских князей и бояр. Находившись при этом в течение всей первой половины XII века с половцами в союзнических отношениях, они вынуждены были теперь пересматривать свои отношения с ними, организовывая серию грабительских военных походов в степь.

Зимой 1167 г. дружины новгород-северского князя Олега Святославича впервые попытались проникнуть в Половецкую степь. Они нанесли поражение орде давнего противника Руси половецкого хана Боняка [16, стб. 527], но, судя по тому, что летописец не упоминает о захвате добычи, большого результата достичь не смогли. Поэтому зимой следующих 1167-1168 гг. Олег Святославич и присоединившийся к нему Ярослав Всеволодович Черниговский совершили новый набег в степь, который на этот раз пришелся, по-видимому, в район Оскола [24, с. 38], разбили две орды, взяли их вежи и захватили в них множество пленных и дорогой добычи [16, с. 532]. Летом 1168 г. (по данным Ипатьевского летописца – в 1170 г.) черниговские и северские князья приняли участие в походе объединенной рати ряда южнорусских князей под руководством киевского князя Мстислава Изяславича против половцев на «Углу и Снепород» (район современной р. Самара) [Там же, стб. 538-540]. Половцы вновь были разбиты, победители захватили множество пленных и скота. Однако вслед за тем русские князья перессорились между собой из-за добычи, и результаты этого похода оказались для Ольговичей весьма незначительными. Поэтому в последующем северские князья предпочитали совершать набеги в половецкую степь уже самостоятельно. В 70-80-е гг. XII в. походы против половцев возглавил младший брат Олега Святославича Северского путивльский князь Игорь Святославич. В 1174 г. Игорь совершил свой первый поход за пограничную речку Ворсклу, в районе р. Лтавы (современная Полтава), разбил половецкое войско, возвращавшееся в родные степи после успешного набега на Переяславское княжество, и отнял всю добычу [Там же, стб. 569]. В феврале-марте 1184 г. Игорь разграбил половецкие вежи на реке Хирии [Там же, стб. 629]. Летом того же года Игорь Святославич с братом Всеволодом, сыном Владимиром и племянником Святославом предпринял набег за р. Мерл, разбил небольшой половецкий отряд из 400 всадников и пограбил половецкие вежи за этой рекой [Там же, стб. 633].

Перечисление летописцем в каждом случае захваченной северскими князьями военной добычи из скота и пленных показывает, что эти походы против половцев были преимущественно грабительскими набегами, рассчитанными на внезапность нападения и стремление избежать столкновения с крупными половецкими силами. В отличие от общерусских походов, возглавляемых киевскими князьями и преследовавших целью уничтожить прежде всего военные силы половцев, северские князья предпочитали нападать на мирное население степи, половецкие становища, вежи, в которых можно было поживиться добычей, захватить пленных и скот. Тактика их походов заключалась в том, чтобы скрытно и по возможности незаметно подойти к расположению половецкой орды, «смять» стремительным наскоком ее боевое охранение, захватить и разграбить как можно больше веж и вместе с награбленной добычей быстро отойти обратно в русские земли. Поскольку главным при этом было сохранить захваченную добычу, Ольговичи, по-видимому, вынуждены были совершать свои походы почти исключительно в пограничные с русскими землями районы степи (в основном, в верховья Сейма, Псла, Донца); далеко вглубь Половецкой степи они не заходили, чтобы не быть достигнутыми на обратном пути преследовавшими кочевниками. Как показывали события, вплоть до похода Игоря эта тактика северских князей себя полностью оправдывала. Возможно, в этом заключались также причины постоянного нежелания северских князей участвовать в общерусских походах, так как в таком случае им пришлось бы сражаться далеко от дома, а доля в общей добыче, захваченной в них, была бы незначительной в силу второстепенного положения северских князей в иерархии русских правителей.

Существует мнение, что Игорь во время похода 1185 г. ставил перед собой более важную задачу, чем в ранних своих набегах против половцев: пройти далеко в глубь Половецкой степи, проникнуть в самое сердце владений половецкого хана Кончака, главы наиболее сильного среди кочевников Донецкого объединения, «уничтожить наиболее активную политически и влиятельную орду Кончака, взять в плен или убить самого хана» [13, с. 273]. Однако летописи это утверждение никак не подтверждают, более того, они вообще ничего не говорят о том, насколько далеко Игорь собирался проникнуть в глубь половецких владений. Более определенно о планах северского князя говорится в «Слове о полку Игореве». «Слово» сообщает, что Игорь, выступая в поход, хотел «копие приломити конец поля Половецкаго» [21, с. 48]. Точный перевод этого на первый взгляд не вполне понятного выражения дает Д. С. Лихачев, отметивший, что упоминавшийся в поэме «конец поля Половецкаго» следует понимать не как «окончание», противоположный по отношению к русским землям край Половецкой степи, а скорее всего, как «оконечность», «границу», «начало», то есть ближайшую к Руси «оконечность» [7, с. 383]. Таким образом, Игорь словами «Хощу бо... копие приломити конец поля Половецкаго» говорил о целях похода, планировал вести военные действия не в глубине Половецких степей, а в местах, сопредельных с Русской землей. Этот план похода полностью совпадал с тактикой всех предыдущих походов северских князей против половцев.

Вместе с тем, трудно согласиться с мнением, что причины поражения похода Игоря могли быть вызваны недооценкой северским князем последствий поражения Кончака в битве на реке Хороле [18, с. 45]. Это поражение, сорвавшее планы Кончака по вторжению в русские земли, породило в Ольговичах иллюзию,

что вдребезги разгромленные на Хороле половецкие орды уже не имели достаточных военных сил для обороны, и их вежи легко было захватить. Это якобы и подтолкнуло Игоря к организации рокового похода, который поэтому был плохо подготовлен. Однако едва ли Игорь, начиная свой поход, был плохо осведомлен о ситуации в степи. Известно, что полком ковуев, присланных для усиления Игоря черниговским князем Ярославом Всеволодовичем, командовал боярин последнего Ольстин Олексич [16, стб. 638], который совсем незадолго до этого был послом черниговского князя в лагере Кончака. Судя по тому, что Ярослав Черниговский отказался присоединиться со своими войсками к рати киевского князя Святослава Всеволодовича во время битвы на Хороле под предлогом, что в этом случае половцы расправятся с его послом, можно предположить, что Ольстин во время разгрома Кончака находился в его лагере. Вернуться в Чернигов он смог, очевидно, после бегства Кончака с Хорола. Как очевидец событий, Ольстин не мог не знать, что Кончак потерял во время битвы на Хороле лишь незначительную часть своих огромных сил («мншицю») [Там же, стб. 636] и, несмотря на поражение, вполне был готов к продолжению войны с Русью. Поэтому в Чернигове и Новгород-Северском не только владели полной и достоверной информацией о ситуации в степи, но и не исключали возможности столкновения с главными половецкими силами, на что косвенно указывает привлечение северским князем к походу в степь практически всех военных сил Новгород-Северского княжества [3, с. 54] (по данным В. Н. Татищева – 5000-6000 чел. [25, с. 136]). Игоря погубило, по-видимому, не то, что он дал себя заманить половцам в ловушку, а его ошибочное убеждение, что нападение возглавляемых им войск на владения половецкого хана Гза, враждовавшего с Кончаком [14, с. 167], не приведет к столкновению с самим Кончаком. Последний, к тому же, по-видимому, находился в союзе с Игорем [10, с. 67]. Однако из-за поражения на Хороле Кончак сам попал в трудное положение: не оказав помощи подвергшейся нападению орде Гзы, он грозил вызвать острое недовольство поддерживавших его в войне с русским княжествами половецких ханов, что неминуемо могло привести к развалу всего созданного им с таким трудом Союза половцев между Днепром и Волгой. Вместе с тем, после битвы на Каяле Кончак попытался всячески смягчить последствия разгрома для своего союзника, окружил пленного Игоря почетом и позволил ему вскоре бежать на Русь [12, с. 191].

Таким образом, «Слово о полку Игореве» существенно дополняет летописные известия о причинах и характере похода Игоря 1185 г. Это делает его важным историческим источником, который необходимо учитывать исследователям при изучении русско-половецких отношений 80-х гг. XII века.

Список литературы

1. Алексеев С. В. Игорь Святославич. М.: Молодая гвардия, 2014. 384 с.
2. Барков Б. М. Отношения русских княжеств и Половецкого поля во второй половине XII в. (на примере Черниговского княжества и Донецкого объединения половцев). М.: Изд-во Юрид. ин-та МВД России, 1998. 34 с.
3. Горский А. А. Игорь Святославич // Родина. 1995. № 8. С. 52-57.
4. Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М.: Институт российской истории РАН, 1992. 171 с.
5. Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 57-118.
6. Куза А. В., Коваленко В. П., Моця А. П. Чернигов и Новгород-Северский в эпоху «Слова о полку Игореве» // Чернигов и его округа в 9-13 вв. Киев: Наукова думка, 1988. С. 56-65.
7. Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 375-466.
8. Лихачев Д. С. О «Слове о полку Игореве» // Лихачев Д. С. Избранные труды: в 3-х т. Л.: Художественная литература, 1987. Т. 3. 520 с.
9. Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь – слава» в светских текстах киевского периода // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1967. Вып. 198. С. 100-112.
10. Никитин А. Половецкая Русь // Знание – сила. 2000. № 5-6. С. 62-71.
11. Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 77-128.
12. Переяслов Н. В. Как бежал из плена князь Игорь // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 190-191.
13. Плетнева С. А. Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М.: Наука, 1985. С. 249-282.
14. Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
15. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. I. Лаврентьевская летопись. 496 с.
16. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. II. Ипатьевская летопись. 648 с.
17. Поляков А. Н. Новгород-Северский в истории Черниговской земли в конце X – начале XIII вв.: дисс. ... к.и.н. СПб., 1998. 261 с.
18. Пядышев Г. Е. Поход Игоря в 1185 г. Место битвы // История СССР. М., 1980. № 4. С. 42-56.
19. Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: поиск автора «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1991. 286 с.
20. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 2000. Вып. 25. 275 с.
21. Слово о полку Игореве / пер. Д. С. Лихачева. М.: Детская литература, 1978. 221 с.
22. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1903. Т. III. 1684 стб. + доп. 272 стб. + 13 с.
23. Сулейменов О. О. Аз и я. Алма-Ата: Жазуши, 1991. 274 с.
24. Сырнев И. П. Путь Игоревой рати. М.: ЛА «Варяг», 1996. 84 с.
25. Татищев В. Н. История Российская: в 7-ми т. М. – Л.: Наука, 1963. Т. III. 333 с.

**“THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN” AS A SOURCE
ON SEVERSK PRINCES’ MARCH AGAINST THE CUMANS IN 1185**

Inkov Aleksandr Aleksandrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Moscow University for the Humanities
historymosgy@mail.ru

The article examines the issues regarding the possibility to use “The Tale of Igor’s Campaign” as a source on Seversk princes’ march against the Cumans in 1185. The comparison of the “Tale” with other written sources of the epoch indicates that this outstanding work of the Old Russian literature does not contradict with historical chronicles but substantially broadens and supplements the data presented in them. This fact allows doubting the adopted in literature neglectful attitude to the poem as an important source on Prince Igor’s campaign.

Key words and phrases: Seversk princes; the Cumans; steppe; Russia; chronicles; the Olgovichi.

УДК 94(47).027

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются некоторые особенности развития русского Тмутараканского княжества в X-XI вв. Освещаются его взаимоотношения с Русью, горскими народами Северного Кавказа и Византией. Отдельное внимание уделяется выяснению причин упадка Тмутаракани в конце XI в. Гибель последней, по мнению автора, следует связывать не столько с нашествием в южнорусские степи половцев, как обычно принято в исторической литературе, сколько, прежде всего, с упадком самого Древнерусского государства, развитием в его недрах удельной раздробленности, в связи с чем русским князьям было уже не до решения проблем своих причерноморских владений.

Ключевые слова и фразы: Тмутаракань; Русь; князья-изгои; торговля; община.

Инков Александр Александрович, к.и.н., доцент
Московский гуманитарный университет
historymosgy@mail.ru

ТМУТАРАКАНЬ В X-XI ВЕКАХ[©]

Среди круга вопросов, связанных с историей русского Тмутараканского княжества (конец X в. – конец XI в.), в исторической литературе важное место отводится объяснению причин его упадка и последующей гибели. Сложилось представление о том, что главную роль в этом сыграло нашествие в середине XI в. в южнорусские степи половцев [2, с. 453; 4, с. 301; 6, с. 190; 14, с. 81; 15, с. 191], в результате которого оказались прерваны жизненно важные экономические и политические связи между Тмутараканью и Киевской Русью. О популярности этой концепции среди историков свидетельствует тот факт, что она нашла свое отражение не только в специальных исследованиях по истории Киевской Руси, но и приводится (правда, в несколько упрощенном виде) на страницах многих школьных и вузовских учебников по истории.

Несостоятельность указанного вывода о прерывании во второй половине XI в. половцами торговых сообщений Руси с Северным Причерноморьем, в том числе с Тмутараканью, неоднократно отмечалась отдельными историками [7, с. 14; 19, с. 35]. Тем не менее, причины падения Тмутараканского княжества без сомнения следует искать прежде всего в самой истории этого далекого русского анклава.

Древнерусский город Тмутаракань – византийская Таматарха – хазарский Семкерц – возник на месте древнегреческой колонии Фанагории, считавшейся крупнейшим политическим и экономическим центром еще во времена Боспорского царства. В IV в. н.э. Фанагория была разрушена во время вторжения в Северное Причерноморье гуннов, а затем в VI в. разорена повторно раннеболгарским племенем утигуров, которые превратили город в свою столицу [12, с. 366]. С образованием во второй половине VII в. в нижнем междуречье Волги и Дона Хазарского каганата город был захвачен хазарами. Последние переименовали его в Семкерц и включили в состав своих владений.

Расположенная в устье реки Кубани на восточном берегу Керченского пролива, Таматарха-Семкерц, благодаря своему выгодному географическому расположению на перекрестке торговых дорог между Северным Кавказом и Восточной Европой, издревле играла исключительно важную роль в экономической и политической жизни Северного Причерноморья. Через ответвление, пролежавшее вдоль южного побережья Крыма, она была связана со знаменитым торговым путем «из варяг в греки», игравшим исключительно важную роль в обеспечении связей Севера Европы, Скандинавии, восточнославянских племен с Балканской Грецией и, шире, со всем Средиземноморьем. С другим не менее знаменитым Донским путем, связывавшим Север Европы